

Прочел роман дважды, первый раз — на одном дыхании, второй раз — вдумываясь и пытаясь понять глубинную логику автора. Произведение многогранное, объединившее в себе самые разные жанры — это и роман, и философский трактат, и путеводитель для странствия души в невидимых мирах с описанием разнообразных маршрутов и дорог, и остроумный сатирический памфлет, направленный против политических и мировоззренческих оппонентов, и некая утопия, и фантастический детектив с закрученной интригой. Этой теме в той или иной степени касались в русской и мировой литературе самые разные писатели и поэты — Данте, Гоголь, Лев Толстой, Достоевский, Леонид и Даниил Андреевы, Замятин, Платонов, Булгаков, Твардовский, Ричард Бах.

Подробно эту тему в трансперсональной психологии прорабатывали такие авторы, как Роберт Монро, Раймонд Мууди (к которому мы еще вернемся), Элизабет Кублер-Росс, Майкл Ньютон, Гордон Смит, Артур Форд, Такис Евдокас, Хильдегард Шефер, Штефан фон Янкович, в эзотерике — Блаватская и Анни Бензат. Эти книги и авторы, конечно, находятся на разных уровнях таланта, образования, понимания глубины проблемы, но все они говорили об этой сложнейшей теме и пытались её понять.

И вот новая работа, новый автор, новый подход и новый сюжет. Мне об этом высказаться вдвойне интересно, потому что я в начале 2000-х писал предисловие на книгу сходной тематики, написанную моим отцом Юрием Михайловичем Ключниковым «Поэт и Фея: мистическая сказка о путешествиях души в мирах видимых и невидимых».

Книга «Бесконечный спуск» рассказывает нам о том, как некий краевой министр спорта по фамилии Комаров отправился в сложное путешествие в горы, попал там под лавину и погиб. Как человек Комаров был может изначально неплохим энергичным деятелем и руководителем, но время заставило его сделать свой выбор, и он многие годы вёл типичную жизнь бизнесмена и руководителя-коррупционера из 90-х: брал откаты, взятки, участвовал в рейдерских захватах, отжимал чужой бизнес, собственности, участвовал в чиновничьих интригах, менял совершеннолетних и несовершеннолетних любовниц, пытался манипулировать женой и друзьями, научился отключать совесть. Автор прослеживает в ретроспективе из преисподней его жизненный путь,

ошибки, грехи и подлости, на которые многим во власти приходится идти, поскольку положение обязывает; фиксирует моральные изменения, происходившие с его душой, которая постепенно накапливала свою тёмную часть и внутреннюю психологический ад, приведший Комарова в романе в ад реальный.

Виталий Владимирович Аверьянов — человек исключительно талантливый и разносторонний — крупный национально ориентированный философ, яркий музыкант, бард, менестрель русского сопротивления, прекрасный

дишью стоящей за их словами картины, будь то природный пейзаж или внешность героя. Но здесь картина, точнее картины, образы мира, встают с невероятной мощью отчётливостью, причём иногда удивляешься — как автору удаётся сделать своего рода репортаж из инфернальной реальности, как будто он там прямо сейчас находится или только что побывал. Аверьянов — мыслитель, сумевший раскрыть в себе талант настоящего визионера, при этом ни на йоту не утративший философской глубины. Чем больше читаешься в текст книги, тем острее

Сергей КЛЮЧНИКОВ

От бесконечного спуска к бесконечному подъёму

О романе Виталия Аверьянова «Бесконечный спуск»

организатор, а теперь выясняется, что его смело можно отнести к горстке лучших представителей современной русской литературы. Он — настоящий писатель, который пишет так, что читать интересно и хочется идти вслед за ним от эпизода к эпизоду. Отчасти это связано с тем, что выбран очень

понимаешь, что это не умственная конструкция, а скорее прозрение или какой-то глубинный опыт, как бы сказали сторонники реинкарнации, предположившие, что автор когда-то проходил свои круги ада и вместе с тем нашёл путь выхода из ловушки мрачных миров.

Немалое место в романе занимают описания весьма изощрённых пыток, которым подвергают героя разнообразные адские существа. В литературе подобного жанра авторы нередко дают волю мстительным чувствам и живописуют различные зверства. В описаниях «Бесконечного спуска» этого скрытого упоения злом нет, картины пыток, по-видимому, призваны показать неотвратимость возмездия, которое, как и ранее совершённое зло, наверное, может быть многообразным. Адские области выглядят у автора скорее учебными классами, школами страдания, способными повлиять на те души, которые сохранили волю к освобождению.

Демонология или, точнее говоря, адология по Аверьянову предстаёт весьма сложной конструкцией. Структура и функция адских областей в романе может на первый взгляд напоминать католическое чистилище с его характерным юридическим духом, которое, как известно, отсутствует в православной традиции и которое должно через страдания привести к искуплению. Православие утверждает, что сам человек не может выбраться из ада и что ему

могут помочь только молитвы близких и страстная вера в Христа. Но по мере погружения в текст видишь, что хотя в романе присутствует следы разных духовных традиций (упоминается и «Бордо-Тодол», то есть «Тибетская книга мёртвых», и суфийские учения),

но православная составляющая в нём, конечно, преобладает. Комарова спасает его общение с сыном (в индуистской сакральной традиции сын считается спасителем отца) и отцом; по мере своего пребывания в аду он всё чаще вспоминает о них и видимо они тоже вспоминают о нём. Однако, прежде чем выбраться, необходимо осознать и увидеть, что привело тебя в ад. Это невозможно без духовного видения и осознания, что требует развитого самонаблюдения — практики, присутствующей во многих духовных традициях прошлого, включая

христианство, и более всего разработанной в суфизме. Роль инструмента, усиливающего глубину самонаблюдения в романе, выполняет волшебное зеркало — в том же суфизме это и есть пробуждённое сознание. Наблюдая за своими глубинными психологическими процессами и приучаясь отделять себя от них, Комаров постепенно ослабляет «адскую» часть себя и накапливает энергию свободы.

Автор, горячий патриот России, помещает, как это нередко бывает в произведениях подобного рода, наиболее злостных врагов не просто в ад с неким обезжизненным пребыванием в неприятном месте, но и даёт им особые задания со смыслом. Так главный разрушитель СССР, бывший член Политбюро Александр Николаевич Яковлев ежедневно в течение десятилетия голыми руками роет могилу для бывшего СССР, которая каждый день снова зарождается. Наверное, этому авторскому решению апподировали бы сегодня миллионы людей.

Вообще, Аверьянов безусловно сказал об аде нечто новое. Обыденное представление об аде заключается в том, что это своего рода многоэтажная тюрьма, где грешники пребывают в довольно статичном и крайне дискомфортном состоянии. Но ад у Аверьянова — это своего рода нисходящая цивилизация, которая осознанно движется по наклонной плоскости к самоуничтожению и получает от этого предстоящего растворения в Великой Матери-Тыме некое блаженство (пародийная нирвана со знаком минус).

Ад густо заселён и напоминает гигантский мегаполис, которым управляет некая мафия с глубоким знанием мистических законов, стремящаяся к тотальному управлению всеми существами, исключаяющему малейшую возможность побега или освобождения. И эта тёмная иерархия, «глубинное адское государство» постоянно

совершенствует свои системы распознавания нечестных и подавления в зародыше даже намёка на бунт. Тьма постоянно совершенствуется, растёт в своей деградации, отсюда и название «Бесконечный спуск», отличающееся от «Бесконечного тупика» Дмитрия Галковского своей динамичностью, тогда как тупик по определению статичен. Кстати, те, кто не принимают современные мегаполисы с их разветвлённой системой контроля и растлевающей аурой и видящие в них инфернальное образование, — наверняка прочтут произведение Аверьянова как своеобразное пособие по антиурбанизму с большим интересом: теперь ясно, что любой мегаполис имеет собственную адскую тень и, наверное, эти две системы взаимно подпитываются.

Адский мегаполис, изображённый в романе, несёт множество пародийных деталей, которые имеют свои корни в мегаполисе реальном. Одной такой деталью является обилие лифтов, по которым перемещаются горожане, на самом деле практически не имеющие шанса не только на то, чтобы выбраться на поверхность, но и подняться по ступеням внутри ада на более высокий уровень. Это намекает на социальные лифты, существующие в мире капитализма, вроде бы призванные дать шанс тем, кто внизу, но на деле работающие очень скверно. Система таких лже-лифтов, давая ощущение выбора, на самом деле удерживает душу в пространстве смерти.

Нужно отметить, что процесс смерти человека и его последующего посмертного существования описан в романе с большой художественной точностью, но по своим стадиям и этапам отличается от того, что говорят нам религии и различные эзотерические системы. На Востоке принято считать, что душа даже в случае внезапной смерти постепенно отделяется от тела, по тем или иным причинам пришедшего в негодность и уже не способного удерживать около себя сознание. Стадии этого отделения соответствуют трём дням (первая фаза отделения души от тела), девяти дням (за это время энергетическая структура отрывается от физического тела и растворяется в природе) и сорока дням (от человеческого духа и сущности отделяется эмоциональная часть сознания или *нишья душа*). Все эти три даты согласно народным религиозным обычаям — это даты поминовения усопших, которым посвящаются поминки, сам институт которых сохранился отголоском подлинных знаний. Причём согласно восточным представлениям, после смерти душа негативного человека, даже злодея, не сразу идёт в ад, а вначале попадает в так называемый субъективный рай, называемый *девачаном*, где сбываются лучшие её мечты, утоляется жажда позитива. И только потом, истощив состояние блаженства (у злодеев оно длится очень коротко), они погружаются в крайне болезненное длительное созерцание

своих греховных деяний, соответствующее аду.

Впрочем, каждая духовная система вносит свои краски и смысловые оттенки даже в такой, казалось бы, лишенный и тени субъективности процесс как умирание человека. И требовать от художественного произведения полного соответствия неким религиозным канонам во взгляде на ту же смерть, значит убить саму художественность, одной из граней которой является свобода поиска. В свободе от ада, которую постепенно обретает Комаров, тоже просматривается эксперимент — каждый должен найти свой личный выход из лабиринта, чтобы не быть съеденным драконом.

Если подойти к странствиям Комарова по адским мирам не как к художественному описанию чисто индивидуального пути спасения, но и представить, что речь может идти о поиске выхода из кризиса для коллективной души России, то, конечно же, этот выход заключается не в том, чтобы следовать жёстким рекомендациям какой-то одной традиции или системы. Выход из исторического тупика всегда индивидуален, даже если речь идёт о душе целой страны, которую сейчас усиленно загоняют в ад мегаполисов, потребления и цифровизации без берегов. Победа над кризисом — всегда творческий акт, эксперимент, новаторство, соединение всех лучших сил. И Комарову в конце концов удаётся найти выход из кризиса — увидев свои грехи, осознать, кто он и каково его назначение, понять, что внешний ад во многом отражает ад внутренний, и как барон Мюнхгаузен вытянуть себя из адского болота.

Книга несёт в себе достаточно высокую поучительную мораль, оптимизм и безусловно заставит задуматься тех, кто живёт, следя за своими чисто эгоистическими желаниями, и задать себе вопросы — правильно ли я живу, куда я иду, хочу ли я попасть в ад своего несовершенства и греховности после смерти, смогу ли я как главный герой выбраться из этого лабиринта? Можно задать этот вопрос не только себе, но и стране, и хорошо, если бы об этом задумались и спросили бы себя, скажем, крупные чиновники, все, кто делает реальную погоду в стране и её регионах. Конечно, такое чтение небезопасно для настроения, можно и загустит — слишком уж болезненных мест души она касается. Потому совершенно прав Александр Проханов, написавший к ней небольшое предисловие, в котором рекомендует всем, приступившим к чтению её, крепко помолиться. Но тому, кто делает это и тем самым соблюдёт основы духовной безопасности, чтение «Бесконечного спуска» поможет не только остановить тягу к деградации, но и пробудить волю к восхождению, которая способна превратить движение по жизненным дорогам в «Бесконечный подъём». И это касается не только индивида, отдельной личности, но и целой страны, которая рождена историей и Богом для больших полётов.

В одном из отзывов на прозу Михаила Михайловича Попова меня удивило указание на пророческую составляющую его книг. Возможно, это всего лишь превеличение рецензента — подумалось в первый раз. Надо за что-то похвалить — ведь книги Михаила Попова порой скуповаты, сложноваты для простого читателя, пролистывающего иногда целые главы, читающего лишь кусками, — вот и хвалят.

Однако давайте отметим для себя это наблюдение ныне покойного, талантливого критика Максима Ершова (1977-2021). Вот что в газете «День литературы» он написал о Попове осенью 2020 года (статья «Своевременный писатель»):

«Незадолго до событий 2013-2014 гг. на Украине Михаил Попов обратился к русскому миру романом «Москаль», посвящённым, за рамками внешней его остросюжетности, проблеме Украины, особенностям украинского самосознания, взаимоотношениям великороссского характера с малороссским. И уже через пару лет по выходу «Москаля» вдруг выяснилось, что книга эта актуальна. Скорее всего, на фоне затянувшегося пленения Украины антимоскалями книга Попова недостаточна. Но это теперь. Тогда, году в 2010-2012, она была, во всяком случае, своевременна... Вот и к новому роману Попова, к его «На креслах всходящих», придумается возвращаться... когда наблюдаешь трудные итоги президентских выборов и попытку смены власти в Белоруссии. Интерес Попова к западным окраинам России («всходящие креслы») — это восточные окраины бывшей Речи Посполитой) вновь оказались своевременным».

Вообще-то переоценивать разного рода со- владения не следует (да Ершов и не употребил слово «пророчество», лишь — «своевременность»). Вот, допустим, я часто проходил по какой-то улице, а потом на ней открыли метро. Указывает ли это на пророческий характер моих маршрутов? Нет, конечно; просто, наверное, пользовалось той улицей слишком много людей (что я и сам замечал), и транспортники узе- л «красяжали». Так и с Украиной, и с Белоруссией...

Однако вот передо мной свежая книга Попова «Идея» (М., 2021), куда вошли его лучшие повести разных лет, в частности, повесть «Кассандр», напрямую посвящённая теме предсказаний. В ней читаем о появлении в позднесредневековой Франции загадочного прорицателя, которому присвоили имя Кассандр:

«На берегу ручья был обнаружен молодой, озорной, абсолютно голый и абсолютно бестампный юноша. Он не знал, что он, откуда он и что делает в здешней местности... Заметили, что юноша умеет предсказывать всякие мелкие события...». Далее автор сообщает, что не только мелочи Кассандр предвидит: юноша предупредил и о грядущей эпидемии, и тут же «из предсказателя превратился в виноюника».

Для тех, кто не в курсе: Попов как раз — человек «огромных» габаритов, то есть Кассандр из повести он придал свои собственные, по крайней мере — внешние, черты. А вот ещё из предсказаний Кассандра:

Александр Андрюшкин

Необычный прорицатель

О книге «Идея» Михаила Попова

«Перед самым годом порочного зачатия в полном разливе будет пора тысячи бесцветных царств, медленная война всех со всеми и без всякой пользы для кого бы то ни было. А перед нею эпоха черной власти, она придет на смену эпохе власти желтой. Каждая эпоха длиною в несколько столетий... Жёлтая власть — по цвету народов, живущих на восточных морях...».

Как вам кажется, уважаемый читатель, нет ли в этом пророчестве некоего «правдивого звучания»? (Увы, других критериев для оценки предсказаний мы не имеем: только «звучат» ли они правдиво или нет.)

Убедительно «звучит» или нет, но резкого увеличения роли Китая никто отрицать не может. Спрашивается: что же, Попов решил потягаться с автором «Апокалипсиса» и выдать миру новое пророчество о будущем и о конце света?

Нет, конечно; повесть «Кассандр» решена, скорее, в юмористическом ключе. Способность некоторых людей видеть будущее Попов не отрицает, но какой поворот он даёт этому сюжету? Кассандром заинтересовался некто Нострадамус: авантюрист, хотя не без научной жилки. Он заставил «огромного юношу» продиктовать ему подробно все свои видения о будущем, потом был вынужден эти конспекты сжечь, а через много лет восстановить их по памяти. Так и получились, если верить повести, загадочные записки, известные теперь под именем «Пророчеств Нострадамуса».

Остроумие и виртуозная игра с сюжетными линиями — вот, наверное, то, что объединяет повести, вошедшие в книгу «Идея». И если кому-то покажется, что это качество («виртуозность») есть безусловная сильная сторона прозы Попова, то смею предположить, что это не совсем так, и ниже объясню, почему.

Но сначала — ещё образец его мастерства в сюжетосложении. В повести «Последнее дело Шерлока Холмса» сыщик раскрывает Ватсону, что предыдущие его расследования, оказываясь, не были таковыми, но лишь — постановками, призванными возвеличить Британию и её культуру. Не приходится отрицать, что именно такую задачу Конан Дойл ставил перед собой и перед серией рассказов о сыщике, — но как именно (согласно Попову) Холмс дурачил всех вокруг, начиная с Ватсона?

Во-первых, никакого «дедуктивного метода» нет в природе, — сообщает Холмс. Доказательства добывались иным путём (или просто подкладывались задним числом), а затем уже Холмс выдавал красивую (но не расквашенную) историю, как он якобы «с помощью одной лишь логики» распутал все тонкости.

Во-вторых (и это главное), Холмс — никакой не сыщик, а лишь режиссёр-постановщик и актёр (неудавшийся). Он нашёл себе партнёра в лице якобы тупого (а на самом деле весьма умного и падкого до славы) полицейского инспектора Лестрейда, и вместе они инсценировали несколько громких преступлений и затем — раскрытый их. Всё это — во имя геополитической рекламы Великобритании! Холмс в повести Попова откровенничает:

«Ведь что такое наш Шерлок Холмс — это пример практической святости. Гениален, деятелен (когда нужно), нравственно прелез. И при этом живой человек. Такая фигура должна быть в культуре. И неважно, что прототипом для неё послужил развращённый, нечистоплотный, сибаритствующий наркоман. Не видя вокруг себя таких людей..., читающая публика должна знать, что они возможны в принципе. Должна верить, что они где-то есть. Шерлок Холмс должен стать предметом веры, да это уже, по-моему, произошло...».

Убедительно, не правда ли, уважаемый читатель? Мне, во всяком случае, конструкция Попова кажется по меньшей мере столь же правдоподобной, как и «дела», придуманные Конан Дойлем. Весомая и причина, почему нынешнее дело Холмса стало последним: непомерно возросшие расходы. Лестрейд (согласно Попову) участвовал в проекте бесплатно, но вот актёрам, задействованным в «пьесах» Холмса, приходилось платить — и чем дальше, тем больше. Главные суммы шли на обеспечение секретности... Именно поэтому на каком-то этапе «дела» Холмса должны были прекратиться, что и произошло.

Повторюсь: всё это выстроено блестяще и, между прочим, неплохо иллюстрирует трудности, с которыми столкнулась сначала Британская империя, а потом США. Многие в англоязычной цивилизации держится на постановках, начиная от дебатов в парламенте и заканчивая якобы «правдивым подсчётом голосов» на выборах. По этой причине и возникают дичайшие слухи, например, о том, что полёт на Луну был заснят где-то в Голливуде, а Башни-близнецы разбомбили по приказу Джорджа Буша.

Это, конечно, неверное; и полёт на Луну был, и башни Нью-Йорка уничтожили по решению Бен Ладена... А вот государственный долг США в размере тридцати с лишним триллионов — это, по-моему, фикция или постановочное шоу. «Долг» возникает тогда, когда есть работодатель, готовый потребовать его возвращения; но ни Россия, ни Китай, ни кто-либо ещё в роли такого строгого кредитора выступать не готов. С бешеной скоростью тикающие на табло тысячи и миллионы долларов — это лишь фикция, американцы ничего никому не должны. Данное мнение, кстати, не принадлежит автору этой рецензии: его высказывают некоторые американские экономисты, но не из тех, кого принято считать «серьёзными».

Вернусь к загадкам прозы Попова.

В повести о Холмсе он допустил одну очень важную ошибку. Герой говорит Ватсону: «Вы, наверное, знаете, что Шерлок — это редкое ирландское имя. Мы, Холмсы, в значительной степени ирландцы».

Здравствуйте, приехали! — хочется тут воскликнуть. А как быть с тем, что «Шерлок» — производное от «Шейлока», как быть с догадками многочисленных интерпретаторов о «еврейском происхождении Холмса»? Ведь именно эту «идею» сыграл Брюнет Ливанов в отечественном сериале!

Объясня Холмса ирландцем, Попов нанёс такое оскорбление «определённым кругам»,

которое будет почище прямого антисемитизма! Заодно он задел и всех тех православных фундаменталистов, которые именно в Британии и в Америке видят воплощение «окультиного каганата». Единственная ли это оговорка в прозе Попова? Думаю, нет: тут система. Отчасти в силу таких оговорок — позволяю себе констатировать — Михаил Михайлович не так уж зашкаливающие популярно и в среде «либералов», и в наших патристических кругах.

Можно ли остроумных людей считать умными? («Кавээнщиков» — «мудрецами»?)

Ответ: конечно, нет. Мудрость требует серьёзности. И именно здесь — повторюсь (в юмористическом его уходе от проклятых проблем) — главная причина того, почему Попов не хотят замечать влиятельные литературоведы.

Чуть ли не более громко звучат имена трёх других, «главных» Поповых нашей современной литературы: боготворившего Собчака и Довлатова Валерия Попова из Петербурга, Михаила Константиновича Попова из Архангельска (главного редактора журнала «Двина») и даже Евгения Попова (сумасшедшего, «косящего под диссидента», отставного президента Пен-центра).

Все эти три Поповых, по крайней мере, чётко обозначили свою политическую позицию, а Михаил Михайлович Попов от этого ухидил!

Хотя, кажется, в самой последней своей «программной» повести — «Идея», — давшей название всему сборнику, он всё-таки «раскрыл карты» и показал, «кто он такой на самом деле».

В этой повести прозаик рассказывает о своей матери Идее Алексеевне Шевяковой, об отце (Михаиле Михайловиче Попове) и об отце, художнике Николае Яковлевиче Буте. Ни отчим, ни отец воспитанием его не занимались (кажется, он ни того, ни другого ни разу не видел). Странное имя «Идея» маме дал её отец, дед писателя, который «вышел в партийные начальники средней руки и в первые убедительные энтузиазма переименовал её своё потомство в революционном духе».

Мама писателя по диплому была преподавателем иностранных языков и проработала главную часть своей жизни именно учителем английского. Думается, она и привила писателю увлечение западной, прежде всего англоязычной, литературой (в переводах: английский язык, по собственному признанию, Попов не владеет).

А вот ещё один урок его матери, который, мне кажется, раскрывает его характер. Характер бесребренника и — осмелюсь ли сказать? — почти юродивого; своеобразного праведника и подвижника литературы, которому (именно по мере этой праведности!) дана пронципальность и даже нечто вроде способности к предсказаниям...

В повести «Идея» он вспоминает эпизод, связанный с убеждениями его матери:

«Помню отлично такой случай: в ювелирном магазине Гродно выбросили «золото» (то ли подорожало оно, то ли подешвело), и образовалась страшная, с давкой, скандалами, очередь; мы проходили мимо, и мама с самым неподдельным смехом комментировала происходящее. Мол, что за странные люди, для чего копить эти жёлтые побрякушки, отказывая себе во всём. Нисколько не приторкаясь. Сила внушения была такова, что я до глубокой молодости остался при отчётливом внутреннем убеждении, что любое золото есть нечто обременительное, косное, и чуть-чуть смешное...».

Вот такие бесребренническое воспитание... А я «к параллель» вспомню эпизод из моей собственной жизни. Конец лета 94-го, только что объявили о крахе МММ. Я сам никогда эти бумажки не покупал; и чужь подсказывало не верить, и слышал от тогдашних моих американских друзей, что «пирамиды» запрещены в Штатах... Потому лишь случайно оказался в Петербурге на бульваре, заполненном разорившимися вкладчиками этой пирамиды. И довольно громко сказал моей спутнице: «Посмотрите, все эти люди — недоумки, хотя и не выглядят таковыми».

Мои слова услышал какой-то человек и взглянул на меня, наверное, так же, как на Идею Шевякову смотрели из очереди за золотом. Скорее всего, этот мужчина на питерском бульваре был из числа потерявших деньги, и всё-таки во взгляде его читалось: «глупы не мы, а те, кто не понимают силу МММ»...

Отсюда мой вопрос. Одни люди делают «ставку» на золото, другие — на значочки, «цифирки» (электронные или бумажные, наверное, неважно). Кто из них прав? Или и те и другие неправы? Думаю, всё это — вопросы веры, убеждений; доказат на опыте такие вещи не получается, ибо есть пирамиды значительно более долговечные чем МММ. Они построены по тому же принципу, но рухнут очень нескоро...

Михаил Михайлович Попов пишет в расчёте на долгую перспективу, так и следует, думается, процитировать наиболее удачные его произведения.